

*Кружалина А.А.
г. Иркутск, Россия*

ПРОЕКТЫ «ВСЕСЛАВЯНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ ДЕМОКРАТОВ XIX ВЕКА

XIX век в России отличается существенным обострением противоречий: социальных, политических, национальных. Как вспоминал, после посещения России в 1839 г., Астольф де Кюстин: «Россия – котёл с кипящей водой, котёл крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся всё сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва. И не я один его боюсь» [1, с. 510].

Среди монолитного комплекса предрасудков и устоявшихся парадигм по решению «национального вопроса» в России, провозвестниками которых были реакционные круги Российского общества, встречаем тусклый, но постоянно усиливающийся свет идей демократической общественности, в основе которых уважение прав и свобод представителей отличных этнических групп, стремление разрешить назревшие вопросы мирным путём.

Тот же Астольф де Кюстин вспоминал: «Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства... Самый воздух здесь принадлежит государю, и каждый дышит лишь постольку, поскольку ему это дозволено: у истинного царедворца легкие так же подвижны, как и его спина... Российская империя – это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами... Россия – страна фасадов. Прочтите этикетки – у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей... Это страна, в которой правительство говорит, что хочет, потому что оно одно имеет право говорить...» [1, с. 432–639]. Именно в такой обстановке в Россию проникали и находили своих последователей некоторые наиболее распространённые национальные теории Запада. А так же рождались и крепили выдающиеся российские мыслители современности.

На протяжении всего XIX столетия, «славянский вопрос» для России был актуален как никогда. Это было обусловлено рядом вполне очевидных предпосылок. Во-первых, так исторически сложилось, что в конце XVIII века, в результате трёх разделов Речи Посполитой России «достались» обширные территории современных Польши, Украины и Белоруссии. Во-вторых, волнения, прокатившиеся по Восточнославянским землям, имели в основе своей национальный характер, и не могли не стимулировать российскую общественность к обсуждению данной проблемы.

Среди большого количества разработок и идей особую группу составляют разного рода проекты «Всеславянских федераций», основной идеей которых было единение славянского мира под эгидой могущественной сильной государственности. «Единство» в данном контексте рассматривалось как, с одной стороны, разрешение и усмирение воинственных противоречий между братьями славянами; с другой, как идеологическое и законодательное подтверждение превосходства России над прочими славянскими государственными образованиями, потому как практически все авторы подобного рода проектов предусматривали сохранение роли лидера за Россией.

Пожалуй, первый интересный и значимый проект подобного рода был создан членами «Общества соединённых славян» братьями П.И. и А.И. Борисовыми. Однако

их взгляды не нашли четкого выражения в конкретном документе и так и остались абстрактным проектом. В них П.И. заявляет, что «цель Соединенных Славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом», однако, далее признавал, что «верных средств они к тому не имели». По предложению братьев в Славянскую федерацию должны были войти «восемь славянских колен» в виде объединения населенными ими государств и земель – России, Польши, Молдавии, Сербии, Валахии, Богимии, Моравии, Трансильвании, Кроации, Далмации и Венгрии. Каждый из народов, по мнению авторов проекта, должен был иметь свою конституцию, основанную на демократических принципах, с учётом национальных особенностей этого народа. Кроме того, каждое государство должно было само определять своё внутреннее государственное устройство. И как сообщал ещё один член Общества соединённых славян И.И. Горбачевский, их целью было «освобождение всех славянских племен от самовластия; уни-чтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом» [2, с. 36–37].

В 1840-е годы широкую известность в демократических кругах получила политическая программа «Кирилло-Мефодиевского братства» – общества, созданного Н.И. Костомаровым. Членами общества являлись Н. Костомаров, Т. Шевченко, А. Навроцкий, Гулак, Маркевич и другие. В основе программы общества лежала идея об «общеславянской взаимности». «Николай I не допускал никаких вейний сепаратизма и подавлял их быстро и решительно железною рукою. К числу таких круто подавленных дел относится и известное дело Н. Костомарова и Т. Шевченко, которые были привлечены к дознанию и административно осуждены за идеи и деятельность в направлении украинского сепаратизма» [3, с. 355–356].

В программе общества предполагалось создание федерации славянских народов на основании полной свободы и автономии народностей, для чего славянские народы должны были примкнуть к России и образовать с ней Федерацию: «Россия должна была разбиться на части или штаты: северный, северо-восточный, юго-восточный, два поволжских – верхний и нижний, два малороссийских, один средний, два южных, два сибирских, один казачий. Белоруссия составляла отдельный штат, также Польша, Чехия с Моравией, Сербия, Болгария, часть Галиции присоединялась к Польше, другая к западному малороссийскому штату и т.п. Такое деление не признавалось окончательным и могло быть перестроено, сообразно экономическим и другим потребностям». Киев же не должен был принадлежать никакому штату, а назначался центральным городом собрания общего сейма; так же предполагалось иметь небольшое количество регулярных войск для общей защиты, «так как в каждом штате была бы своя милиция, и все учились бы военному искусству на случай общего ополчения»[4].

В целом же, предполагаемая программа преобразований не решала национальных проблем ни в России, ни в какой другой стране, а являлась одним из наиболее кардинальных откликов на популярную теорию всеславянского единства. Однако сам факт существования данного общества и его программы являет собой особый период в развитии русской демократической мысли: в сороковые годы XIX века либеральные идеи становятся достоянием более «зрелых» слоев общественности.

Еще одна весомая заслуга общества и Н. Костомарова лично состоит в том, что впервые довольно полно была высказана идея малороссийской автономности. Однако Костомаров отстаивал «украинскую исключительность» в противовес польской или русской, а свободную и независимую Украину в рамках свободной и равноправной славянской федерации. Малороссия мыслилась членами «Братства» не просто как «равная среди равных» независимых славянских стран, но даже как некий лидер федерации,

подтверждением чему служит идея о центральном городе федерации – Киеве. По меткому замечанию Б.Б. Глинского, «идея автономии Польши, автономии Финляндии пришла навстречу в сороковые годы и идея украинской автономии, после чего, уже много позже, были поставлены вопросы о разного рода других автономиях, например, Грузии, литовцев, латышей и др.» [5, с. 361].

Во многом всему выше обозначенному способствовали реалии эпохи, а так же тот политический режим, который почти три десятилетия определял темп и ритм жизни Российского общества, и жестко контролировал и пресекал распространение всех новых, пусть самых безобидных, идей. «Мы видим правительство Николая Павловича, стоящим на страже политических идей, бродящих в русском обществе, и строго карающим людей не только за их деяния, но и за идеи, хотя бы таковые не заключали в себе ничего оскорбительного для властей, а содержали всего один лишь элемент доктринёрства и теоретического построения» [5, с. 362].

Одной из первых революционно-демократических организаций, использующих идеи социализма, было общество, созданное М.В. Буташкевичем-Петрашевским. Как заметил Б.Б. Глинский, «недостатков русской жизни он [Буташевич-Петрашевский], конечно, постоянно касался, но какого-нибудь обстоятельного политического плана её реформирования, как это мы видели, например, у декабристов или даже в проекте Костомарова, он не выставил. Практических вопросов Петрашевский как бы касался вскользь, и большая часть его разговоров и речей скорее вращалась в кругу критических и философских рассуждений» [5, с. 364].

Названное общество не имело своей политической программы и тактики, но большинство наиболее активных его участников неоднократно высказывались о проектах будущего устройства России, где решение «национального вопроса» занимало не последнее место. «Таких кружков, несколько меньших размеров по своему составу и более даже бледных по краскам, в них переливавшимся, было несколько, как например Кашкина, Момбели, Дебу и др. Большая часть членов этих кружков были между собою знакомы и вливались в главный кружок, представлявший собою именно «либеральные Жур-фиксы Буташевича» [5, с. 366].

Дальнейшее развитие революционно-демократического общественного движения в России привело не только к созданию множества организаций, стремившихся изменить существующий в России строй, но и к возникновению большого количества теорий, программ, требований и подходов, стремящихся к решению проблемы национальных отношений в России. Наиболее активные участники многочисленных народнических организации, студенческих обществ, националистических объединений, авторы распространенных революционно-демократических изданий и отдельных воззваний и прокламаций, впоследствии сосланные за радикализм в Сибирь, неоднократно высказывали свое отношение по возможностям решения национального вопроса в России.

Подхватив уже высказанную до них декабристами и некоторыми государственными деятелями идею российского федерализма, революционеры середины XIX в. развили и подкрепили ее новыми программами. Петрашевцы высказывались за федеративное устройство будущей России, при котором народам будет дана широкая автономия. Анархист М.А. Бакунин предлагал создать Всеславянскую Федерацию, где союз должен сочетаться с независимостью каждого народа. Федерацию должны были составить народы России, Украины, Белоруссии, Чухано-Латышского края, Курляндии, возможно и Литвы, и Польши, а так же славянские племена, населяющие Австрию и Турцию. Бакунин вполне обоснованно считал, действенный и долгосрочный союз может основываться только на добровольном желании каждого из участников [6, с. 270–282].

Такой же позиции придерживался автор прокламации «Молодая Россия», народник-революционер П.Г. Заичневский. Он требовал предоставления всем областям возможности решать, желают ли они войти в состав федеративной республики русской. Н.А. Момбели предлагал Конституцию для каждой национальности под общим руководством Российской. Историк-демократ А.П. Шапов будущее России видел в добровольной, самим народом созданной союзности, федерации областных общин, основанной на договоре, на любви и единении.

Стремясь к улучшению жизни народов, представители демократического движения в России XIX в. расходились не во многом, главное их разногласие в том, что одни придавали большее значение «договору» и «соединению», а другие стремились к полной «свободе» и «равенству» всех национальностей. Объединяло же их, бесспорно, отрицание централизации, захватничества и русификации. Анализируя всё выше описанное важно отметить, что все они исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития «национальных окраин» Российской Империи; приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Украины, Сибири), причём многими признавалась возможность их сохранения в составе России [7, с. 69]; кроме того, в своих концепциях представители общественной мысли во многом опирались на исторические разработки, призванные обосновать их притязания существующими традициями, начиная со времен Древней Руси. Однако, что зачастую признавали и сами мыслители, практическая реализация рассмотренных проектов в условиях окружающей их действительности была невозможной, и получила обоснованный шанс на существование лишь после крушения империи.

Список литературы: 1. Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. Глазами иностранцев. – СПб.: Лениздат. 1991. 2. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. – М., 1951. Т. 1. 3. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612–1861 гг.). – СПб., 1908. 4. Семевский В.И. Николай Иванович Костомаров // Русская старина. – 1886. № 1. 5. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612–1861 гг.). – СПб., 1908. 6. Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. 7. Бахлов И.В. Российский федерализм: теоретические основы, специфика становления и политико-правовой организации. – Саранск, 2008.

*Лобанов К.Н.
г. Белгород, Россия*

ЮГ РОССИИ И ЕГО ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Южный регион российской державы традиционно рассматривался обществом и государственной властью не столько в экономико-географических категориях, сколько в формате использования исключительного военно-стратегического положения этой территории для обеспечения национальной безопасности страны. Все то, что находилось к югу от Тулы и Рязани – «Дикое поле», границы которого с течением времени все более и более отдалялись в юго-восточном направлении от Москвы, всегда считалось «зоной жизненно важных интересов» или, как сегодня бы сказали специалисты в области глобалистики, национальных интересов растущей российской государственности. Извеч-